

живается от их более определенной характеристики, ограничиваясь констатацией того, что эти общества «в процессе перехода ко вторичной формации, если и дают, то лишь весьма косвенные данные о вероятном пути развития» (с. 119).

Рецензируемая работа — значительное событие в отечественной африканистике. Она заставляет задуматься и более серьезно подойти к ключевым вопросам теории и практики общественного развития не только обществ отдаленного прошлого, но и современных государств Африки.

Н. А. Ксенофонтова

V. C. r a p a n z a n o. *Waiting. The Whites of South Africa*. L., etc., 1985. 377 p.

Новая книга американского антрополога и литературоведа Винсента Крапанзано посвящена белому населению Южно-Африканской Республики. Ее автор в 1980 и 1981 гг. прожил несколько месяцев в небольшом поселке Виндаль (расположенном к северу от Кейптауна), взрослое население которого состоит всего из 2 тыс. человек — африканеров, англоафриканцев и южноафриканских евреев. Основное содержание книги составляет изложение, часто в форме живой разговорной речи, бесед, которые В. Крапанзано вел с 36 жителями деревни, а также некоторых его наблюдений над их нравами и привычками. Других методов, кроме метода «включенного наблюдения», американский антрополог в своей работе не использовал.

В предисловии автор отмечает, что его книга может быть названа романом в том широком определении, которое дал этому жанру известный русский советский литературовед М. М. Бахтин. Работа В. Крапанзано действительно написана живым образным языком, изобилует диалогической речью (разговоры жителей Виндаля, их рассказы о себе и своих близких явно подверглись значительной стилизации и авторскому редактированию) и читается как художественное произведение. Возможно, несколько условно ее жанр можно обозначить как «этнографический роман». Именно благодаря свободной, непринужденной форме изложения читателю становятся более понятны некоторые социально-психологические особенности южноафриканского белого населения.

Значительная часть жителей Виндаля — бывшие горожане: бизнесмены, инженеры, администраторы, ушедшие на покой и ставшие фермерами. Поэтому В. Крапанзано с некоторым основанием рассматривает население деревни как модель всей белой общины ЮАР, поскольку здесь представлены основные этнические, социальные и возрастные группы южноафриканских белых.

В книге В. Крапанзано белая община предстает как находящаяся в тревожном ожидании перемены — это подчеркивается и самим названием работы¹. Исследователь считает, что по отношению к южноафриканским белым — как к африканерам, так и к англоафриканцам (хотя и в меньшей степени) — можно говорить о возникновении особого «психологического апартеида». Последний характеризуется, по его мнению, как сознание своей исключительности, так и растущей апатией в общественно-политической жизни, что делает южноафриканских белых пассивным орудием правящих кругов ЮАР. Этот тезис Крапанзано нам представляется до некоторой степени спорным. Хотя белые жители ЮАР, живя в условиях действия законов апартеида, привыкли к своему привилегированному положению, они отнюдь не утратили интереса к политике и делают все, чтобы такое положение сохранить. Другое дело, что одни африканеры видят путь к этому в возрождении старого, классического апартеида 1940-х годов, а другие — умеренные сторонники правящей африканерской Националистической партии и большинство англоафриканцев — ищут решения на путях замены апартеида неким «многорасовым капитализмом»². Можно даже говорить об определенной активизации политической деятельности англоафриканцев, традиционно более пассивных в этом плане в последние годы, о чем свидетельствует высокая доля их участия в референдуме 1983 г. по вопросу о новой конституции³.

Более бесспорен другой вывод американского антрополога — о росте среди белой общины Виндаля и, вероятно, ЮАР в целом так называемой *laager psychologie* — «психологии осажденного лагеря». Это выражается в растущем страхе белых перед будущим приходом к власти черного большинства и одновременной решимости бороться до конца за сохранение своих привилегий — «спина к спине», как некогда сражались буры против англичан, огородившись фургонами. Возможно, такие настроения особенно сильны среди сельской, наиболее консервативной части белого населения, которая и являлась непосредственным объектом наблюдения американского антрополога.

В. Крапанзано, не приемлющему апартеид и бесправие небелых жителей ЮАР с позиций буржуазного либерализма, странно было слышать рассуждения некоторых, по местным стандартам «умеренно настроенных», белых. Вот, например, мнение об африканцах Хенни — англиканского пастора африканерского происхождения, женатого на англоафриканке и во многом воспринявшего мировоззрение англоафриканской общины: «Когда африканцы и их вождь Дингаан были разгромлены в 1838 г., они знали только, что жить можно лишь с помощью силы. Когда они лишились силы, то превратились в кроликов. Только когда правительство создало апартеид и стало проводить политику бантустанизации, африканцы обрели самосознание... Внезапно цветной осознал, что он цветной, тогда как раньше не обладал самосознанием. Внезапно зулус осознал, что он

¹ *Waiting* — по-английски «ожидание».

² См., например: *Lipton M. Capitalism and Apartheid. South Africa 1910—1984*. Aldershot, 1985.

³ См.: *The Star. Johannesburg*, 4. XI.1983.

зулус, имеет свой хоумленд⁴ и нуждается в лидерах. И он нашел лидеров, и власти вынуждены были признать их, хотя ранее не ожидали такого развития событий. Теперь и венда, и зулу, и коса, и каждое малое племя получили свою небольшую страну. Хотим мы этого или нет, они не собираются отказываться от этих стран ради большой Южной Африки» (с. 325—326). Это типичный пример стереотипа, созданного правительственной пропагандой. В действительности, как показал, например, опрос, проведенный правительственной комиссией в 1979 г. в бантустане Сискей, 90% его жителей предпочли бы фиктивной «независимости» создание «унитарной многорасовой Южной Африки со всеобщим избирательным правом»⁵.

Из бесед с африканерами В. Крапанзано вынес убеждение, что они обладают большим национализмом, чем англоафриканцы. Африканер, оказавшийся за границей, всегда будет защищать свою страну, права она или не права, а англоафриканец готов более спокойно выслушать критику в адрес «белой» Южной Африки и частично согласиться с ней.

В национальном самосознании африканеров центральное место занимает приверженность языку африкаанс. Язык африканера, его taal — более широкое понятие, чем английский language, это не просто средство общения, но и целая идеология. Taal отражает культуру (kultuur) африканеров, их приверженность традиционным формам жизни, освященным кальвинизмом, формам, уже исчезнувшим в реальности, но оставшимся в идеологии африканерского национализма (с. 30). Для англоафриканцев, как подчеркивает В. Крапанзано, английский язык, напротив, скорее является символом их принадлежности к мировой англоязычной общности, чем олицетворяет их южноафриканское самосознание (с. 204). Такой вывод совпадает с выдвинутым нами положением о том, что англоафриканцы ЮАР принадлежат к двум метаэтническим общностям — англоязычной и британской⁶. Постоянные связи с Великобританией помогают поддерживать эту последнюю. Так, несколько наиболее богатых англоафриканских семейств Виндала ежегодно проводят часть времени в Европе, прежде всего в Великобритании, где главное внимание уделяется знакомству с культурными ценностями — посещения театров, фольклорных фестивалей и др. (с. 207). В Виндале англоафриканцы достаточно резко отличают себя от африканеров, хотя отношения между двумя группами белого населения здесь довольно мирные, большинство населения двуязычно и есть случаи межэтнических браков. Национализм англоафриканцев в Виндале, населенном преимущественно африканерами, проявляется сильнее, чем в городах, и выражается, в частности, в том, что они предпочитают покупать товары в соседних населенных пунктах и в магазинах, принадлежащих англоафриканцам, а не в местном, владеет копором — африканер, и ремонтирует свои машины у механика англоафриканца, хотя имеется более квалифицированный механик африканер (с. 39). В то же время В. Крапанзано приводит разговор с одной англоафриканской четой, отражающий эволюцию самосознания всей группы. Супруги временами поговаривают о возможности переселиться в Англию, но их дети, хотя и ходят в англоязычную школу, считают себя в первую очередь южноафриканцами. Их мать замечает: «Мы знали наших королей и королевы, наших сражения и договоры: я знала названия всех графств Англии еще до того, как увидела хотя бы одно из них. Сегодня дети не знают ничего такого. Они изучают южноафриканскую историю. Я полагаю, так и должно быть» (с. 215).

Как отмечает американский исследователь, первый контакт англоязычных уроженцев ЮАР с Англией обычно вызывает у них разочарование. Созданный на основе книг и преданий идеал оказывается достаточно далеким от реальности. Один из англоафриканцев так говорит о своем посещении Англии: «Я вырос с идеей, что все английские вещи — лучшие, что англичане — усердно работающие и вежливые люди, что английские ценности — самые моральные, что английский язык — самый очаровательный язык в мире. Когда я прибыл в Англию, я был горько разочарован». Англичане порой казались ему жестокими и аморальными. Гость из Южной Африки вынес впечатление, что жизнь в Англии «течет без определенного направления». Место англичан как усердных работников в его картине мира заняли немцы (с. 237). Здесь, очевидно, сказались влияние стереотипов, свойственных африканерам. Образцом усердия и деловитости для последних служит Германия, а не Голландия — родина далеких предков, погрязшая, по мнению африканерского обывателя, в безнравственности: коррупции, наркотиках, порнографии и т. п. (с. 196). Очевидно, что теперь англоафриканцы, как и африканеры, представляют отдельный этнос.

Интересно также сделанное В. Крапанзано наблюдение об экономическом факторе, влияющем на национальное самосознание англоафриканцев. Последние в ответ на часто задаваемый им за рубежом вопрос, почему же они, критикующие режим апартаида, не покинут ЮАР, обычно говорят о Южной Африке как о своей родине, о своей любви к этой стране, ее красоте, о ее потенциале и даже о необходимости использовать его для блага страны. Только при более открытом разговоре англоафриканцы признают, что именно с Южной Африкой связаны их предпринимательские интересы, их карьера, их привилегии и высокие доходы, которые большинство не смогло бы сохранить в других странах (с. 204). В то же время в отличие от африканеров некоторые англоафриканцы не исключают в принципе возможность для себя жить в другой стране,

⁴ Хоумленд (другое название — бантустан) — территориальные образования, созданные властями ЮАР для различных этнических групп африканцев, чтобы сделать их «иностратцами» в «белой» Южной Африке.

⁵ Lipton M. Op. cit. P. 336.

⁶ См.: Соколов Б. В. Иммигрантское население ЮАР//Сов. этнография. 1984. № 6. С. 45—46.

в первую очередь в Великобритании, США или британских доминионах (с. 37, 204, 214).

Из книги В. Крапанзано также видно, что живущие в Виндале евреи — потомки выходцев из Литвы — перешли на английский язык, имеют ряд общих с англоафриканцами культурных ценностей (например, любят и считают «своими» писателями Дикенса и Голсуорси), однако сохраняют отчетливое этническое самосознание (с. 210—214).

Американский этнограф обращает внимание на то, что как африканеры, так и англоафриканцы в разговорах почти не упоминают представителей других расовых групп — африканцев, цветных и индийцев. Для белых это только «пизшая раса», «примитивные, нецивилизованные дикари, похожие на детей». Идеология апартеида глубоко укоренилась среди белой общины Виндаля. Его жители отвергают всякие контакты с небелыми, опасаясь также, что могут стать жертвой преступления с их стороны. Здесь называется как действие созданных расистской пропагандой стереотипов, так и действительная острота межрасовых отношений в государстве апартеида (с. 40). Африканеры, а также англоафриканцы Виндаля не готовы признать основные политические и социальные права африканцев и других небелых: избирательное право, право на свободу передвижения и свободный выбор места жительства и пр. (с. 40, 326).

Книга В. Крапанзано дает интересную картину — срез белой общины ЮАР. Конечно, картина в чем-то неполна, в чем-то субъективна, что прекрасно осознает и сам автор. Но в целом это — ценное свидетельство как для тех, кто занимается изучением населения Южной Африки, так и для всех, интересующихся вопросами этнической психологии.

Б. В. Соколов